

СКИФСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КОНЦА V – IV ВВ. ДО Н. Э. СЕВЕРСКОДОНЕЦКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Одной из важных проблем современного скифоведения является вопрос о присутствии кочевников на территории восточно-европейской Лесостепи и их взаимоотношения с местным земледельческим населением. Долгое время после конференции 1952 года в ИИМК АН СССР считалось общепринятым, что в лесостепной зоне жили нескифские племена, в то время как скифы занимали степи Северного Причерноморья (Граков, Мелюкова, 1954: 39-93; Погребова, 1954: 3-38). После московской конференции по вопросам скифо-сарматской археологии 1967 года окончательно оформилось и второе направление в разработке данной проблемы, основы которого были заложены еще М.И. Ростовцевым. Часть скифологов во главе с А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской отстаивали идею единой Скифии и общей скифской культуры на юге Восточной Европы (Тереножкин, 1971: 17-18). Но большинство участников конференции критически отнеслось к данной концепции, оставшись при своих взглядах (Петренко, 1971: 5). Такое разобщение в среде ученых и отсутствие конструктивного диалога сыграли негативную роль, на долгое время затормозив прогресс в разработке данной проблематики.

Новый подход к изучению данного вопроса, который во многом снимал противоречия между крайними взглядами исследователей и являлся «золотой серединой», начал разрабатываться в 80-е годы XX века. Он был направлен на поиск критериев

выделения погребений кочевников в Лесостепи, выяснения динамики их проникновения в регион, а также установление характера взаимоотношения с аборигенным населением. Его родоначальником может считаться М.И. Ростовцев (Ростовцев, 1918: 76). Данное направление в два последних десятилетия прошлого века возродил и вывел на новый качественный уровень С.А. Скорый (Скорый, 1987: 36-49; 1997; 1999; 2003). Исследователь успешно применил его при изучении памятников Правобережной Лесостепи скифского времени (Скорый, 1999; 2003). Использование данного подхода при рассмотрении проблем этносоциального характера в истории населения Днепро-Донской Лесостепи в раннем железном веке показало его эффективность (Медведев, 1999: 124-126; Бессонова, 1999: 148-160; 2000: 116-131; Гречко, 2008).

В скифское время на территории северскодонецкой Лесостепи широкое распространение получил курганный обряд погребения. Захоронения под насыпями предскифского времени в регионе единичны, поэтому привнесение данной традиции справедливо связывать со скифами, которые проникли в Лесостепь в VII – первой половине VI вв. до н.э. Об этом красноречиво свидетельствуют захоронения в курганах Караванской группы Люботинского могильника с «переднеазиатскими импортами». Земледельческое население северскодонецкой Лесостепи скифского времени не являлось автохтонным и

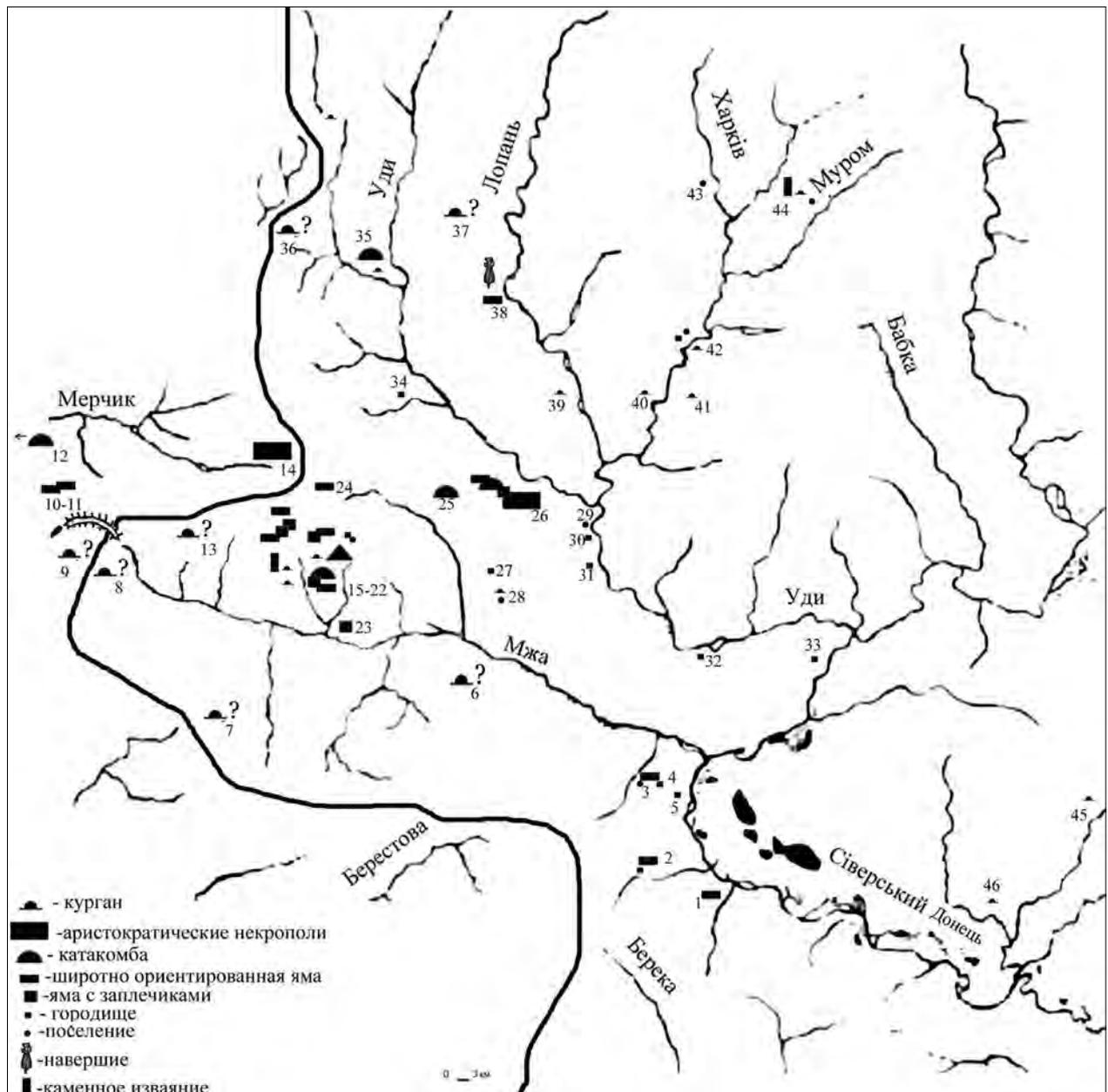

Рис. 1. Северскоднецкие памятники позднескифского времени.

1 – Сухая Гомольша, 2 – Большая Гомольша, 3 – Гришковка, 4 – Тарановка, 5 – Коробовы Хутора, 6 – Липковатовка, 7 – Манилы, 8 – Кантакузовка, 9 – Перекоп, 10-11 – Покровский и Настельный, 12 – Новый Мерчик, 13 – Роговка, 14 – Старый Мерчик, 15 – Соломаховка, 16 – Гиевка, 17 – Совнаркомовская, 18 – Круглик, 19 – Могилки, 20 – Одрынка, 21 – Черемушная, 22 – Золочевское, 23 – Паньковка, 24 – Санжары, 25 – Коротич, 26 – Песочин, 27 – Яковлевка, 28 – Островерховка, 29 – Липовая Роша, 30 – Карачевка, 31 – Хорошево, 32 – Водяное, 33 – Мохнач, 34 – Закозаровка, 35 – Малая Рогозянка, Родной Край, 36-37 – Золочев, 38 – Дергачи, Семеновка, 39 – Залютино, 40 – Большая Даниловка, 41 – 524 м/р Харькова, 42 – Циркуны, 43 – Проходнянское-1, 44 – Вёсело, 45 – Волосская Балаклея, 46 – Балаклея.

появилось в регионе синхронно с подкурганскими захоронениями. Основные археологические характеристики указывают на то, что исходными районами миграции земледельцев могли быть бассейн Ворсклы и Правобережная Лесостепь. Курганный

обряд погребения у оседлого населения Лесостепного Правобережья не получил широкого распространения (Скорый, 2003: 64). В северскоднецкой Лесостепи, как и в указанном регионе, отсутствуют синхронные курганные могильники возле

поселений и большинства городищ VI–V вв. до н.э., что косвенно указывает на бескурганый обряд захоронения у земледельцев. Ярким примером может служить тот факт, что возле 13 поселений и Червонососовского городища VI–V вв. до н.э. в бассейне р. Ольховатка не зафиксировано ни одного курганного могильника, хотя район тщательно обследован (*Задников, Шрамко, 2003: 37-40*).

Концом VII – первой половиной VI вв. до н.э. в регионе датируется 33 захоронения (18%), которые представлены грунтовыми ямами и камерными погребениями в столбовых гробницах, ориентированных меридионально. Основная масса курганов раскопана на Люботинском могильнике и у с. Черемушная. Положение покойника головой на запад зафиксировано лишь в диагональном захоронении у с. Малая Рогозянка. В этот период могилы скифской аристократии сосредоточены в Посулье (*Ильинская, 1968*), а Северский Донец в это время представляется нам периферией лесостепного объединения под эгидой скифов.

Погребения второй половины VI в. до н.э., как и в других регионах юга Восточной Европы, единичны и не составляют каких-либо значительных серий. Новые «дружинные» некрополи появляются в регионе лишь в 80-70 годы V в. до н.э. (Протопоповка, Коротич). Единичные захоронения этого времени, вероятно, положили начало функционированию некоторых могильников (Песочин, Большая Гомольша). Всего зафиксировано 13 захоронений среднескифского времени (7%), которые ориентированы меридионально с небольшими отклонениями. Девять погребений совершено в грунтовых ямах, 4 – в камерных погребениях столбовой конструкции либо с канавкой по периметру дна могилы (1 случай). Данное явление мы склонны связывать с переносом места захоронения северскодонецкой верхушки из Посулья к местам проживания. Это может объясняться увеличением количества земледельческого населения в регионе – одного из источников богатства кочевников. Погребальные сооружения и ориентировка погребенных не отличаются от более ранних и генетически с ними связаны.

Ситуация кардинально меняется в последней четверти V в. до н.э. Позднескифским периодом датируется 139 погребений, что составляет 75% от общего числа захоронений. Основными типами погребальных сооружений были грунтовые ямы (70%) и камерные погребения столбовой конструкции (23%). Новыми для региона формами могил являются ямы с заплечиками (7 сооружений – 5%) и катакомбы (4 сооружения – 2%). Три раза зафиксированы отдельные могилы коней. Именно в конце V – IV вв. до н.э. в регионе появляются захоронения с широтной ориентировкой (14%).

Среди погребений северскодонецкой Лесостепи до последнего времени собственно погребений степных скифов не выделяли, а покойников, ориентированных широтно, соотносили с местным населением – меланхленами (*Шрамко, 1953*). В 60-е годы прошлого столетия П.Д. Либеров выделил вторую группу захоронений, ориентированных широтно, но со скифами ее не связывал. При этом исследователь отмечал, что преобладающее расположение могил у хуторов Покровский и Настельный в междуречье р. Мжи и Мерлы по линии СЗ-ЮВ, резко отличает их от погребений северскодонецкой группы. Важно отметить, что в курганах № 3 и 5 у хут. Покровского были найдены погребения лошадей (*Данилевич, 1908: 23-24*). Этот факт и ориентировка костяков позволило исследователю связать группу у хутора Покровский со степной погребальной традицией (*Либеров, 1962: 24-30*). А.А. Моруженко считала широтную ориентировку не характерной для Днепро-Донецкой Лесостепи (*Моруженко, 1989: 27, 31*).

В последние десятилетия источниковая база многократно увеличилась, а

Табл. 1

Ориентировка северскодонецких погребальных сооружений последней четверти V – IV вв. до н.э.

Ориентировка погребальных сооружений	Количество	%
Запад-восток	19	14
Север-юг	71	51
СВ-ЮЗ	30	21
СЗ-ЮВ	19	14
	139	100

оценка многих уже известных комплексов изменилась. А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов отмечали сложность вопроса о происхождении западной ориентировки в регионе (*Бандуровский, Буйнов, 2000: 42-43*). Широтно-ориентированные погребения напрямую связал со степными скифами Л.И. Бабенко, анализируя захоронения Песочинского могильника (*Бабенко, 2005: 187-188*). Относительно связи ямных захоронений с широтной ориентировкой со степняками у меня тогда возникли некоторые сомнения (*Гречко, 2006: 102*).

Ситуация изменилась после раскопок в 2006-2007 гг. курганов Гришковского могильника. В результате исследований были получены весомые аргументы в пользу степного происхождения погребений в узких прямоугольных ямах с широтной ориентировкой (*Гречко, 2007: 152-157*). За два полевых сезона удалось раскопать 13 курганов, которые содержали 18 захоронений. Погребальные сооружения представлены исключительно прямоугольными грунтовыми ямами, ориентированными широтно с отклонениями. Пять курганов содержали по два одновременных разнополюх захоронения в отдельных могилах. Лишь в погребении кургана № 22 в одной яме были погребены женщина и подросток. Остальные курганы содержали индивидуальные захоронения. По пять раз зафиксировано положение покойников головой на СЗ и ЮВ. Дважды женские костяки были положены черепами на восток. Полученные материалы позволяют предварительно отнести время функционирования Гришковского могильника к концу V – первой половине IV вв. до н. э. Широтная ориентировка могил и погребённых, наличие ровиков вокруг курганов, обычай втыкать оружие в дно могилы (рис. 2, 3), наличие мясной пищи и ножа с костяной рукояткой являются скифскими чертами погребальной обрядности (*Ольховский, 1978: 96-97; Скорый, 2003: 46*). Данные характеристики позволяют предположить принадлежность захоронений Гришковского могильника степным скифам, которые проникли на территорию южной окраины Лесостепи в конце V – первой половине IV вв. до н.э. Это заставило пересмотреть свой взгляд на

данную группу захоронений и, учитывая новые данные, заново проанализировать позднескифские погребения северскодо-нецкой группы. Результаты показали, что широтноориентированные захоронения хотя и были распространены на всей территории региона, но далеко не равномерно.

Большинство погребений расположено вблизи или в составе могильников местной аристократии, которая производила свои захоронения в меридионально ориентированных камерных могилах (Песочинский и Большегомольшанский могильники, несколько отдельных групп в непосредственной близости от Старого Мерчика). Можно условно выделить три основных места концентрации рассматриваемых могильников, которые тяготеют к водоразделу, по которому в средневековье проходил Муравский Шлях (рис. 1).

Южная группа захоронений расположена в предстепи вблизи известного Большегомольшанского могильника. В 1949 году С.А. Семеновым-Зусером было исследовано три кургана в данном некрополе, под двумя из которых располагались широтно ориентированные захоронения (курган № 1, 2) (*Семенов-Зусер, 1949: 3-9*). Новые исследования в 1967-1969 гг. подобных погребений не выявили, а исследованные могилы представлены меридиональными могилами и камерным захоронением с дромосом (*Шрамко, 1983: 54*). Неподалеку расположен и уже упомянутый Гришковский могильник, а в курган срубной культуры на территории раннесредневекового Сухогомольшанского городища было введено 4 захоронения позднескифского времени (рис. 2, 1). Двое погребённых (№ 11 и 12) были ориентированы головой на запад, один – на юг (№ 13) и один – на северо-восток (№ 9). Инвентарь представлен только бронзовыми наконечниками стрел. Контуры ям и перекрытия не прослеживались (*Буйнов, Михеев, 1988: 88, рис. 1*). Кроме того, на левом берегу Северского Донца, несколько южнее, зафиксировано 2 впускных захоронения позднескифского времени (Балаклея, Волосская Балаклея) (*Клименко, 1997: 101-107; Шрамко, 1983: 60*).

Вторая группа некрополей расположена вблизи Старомерчанских могильников

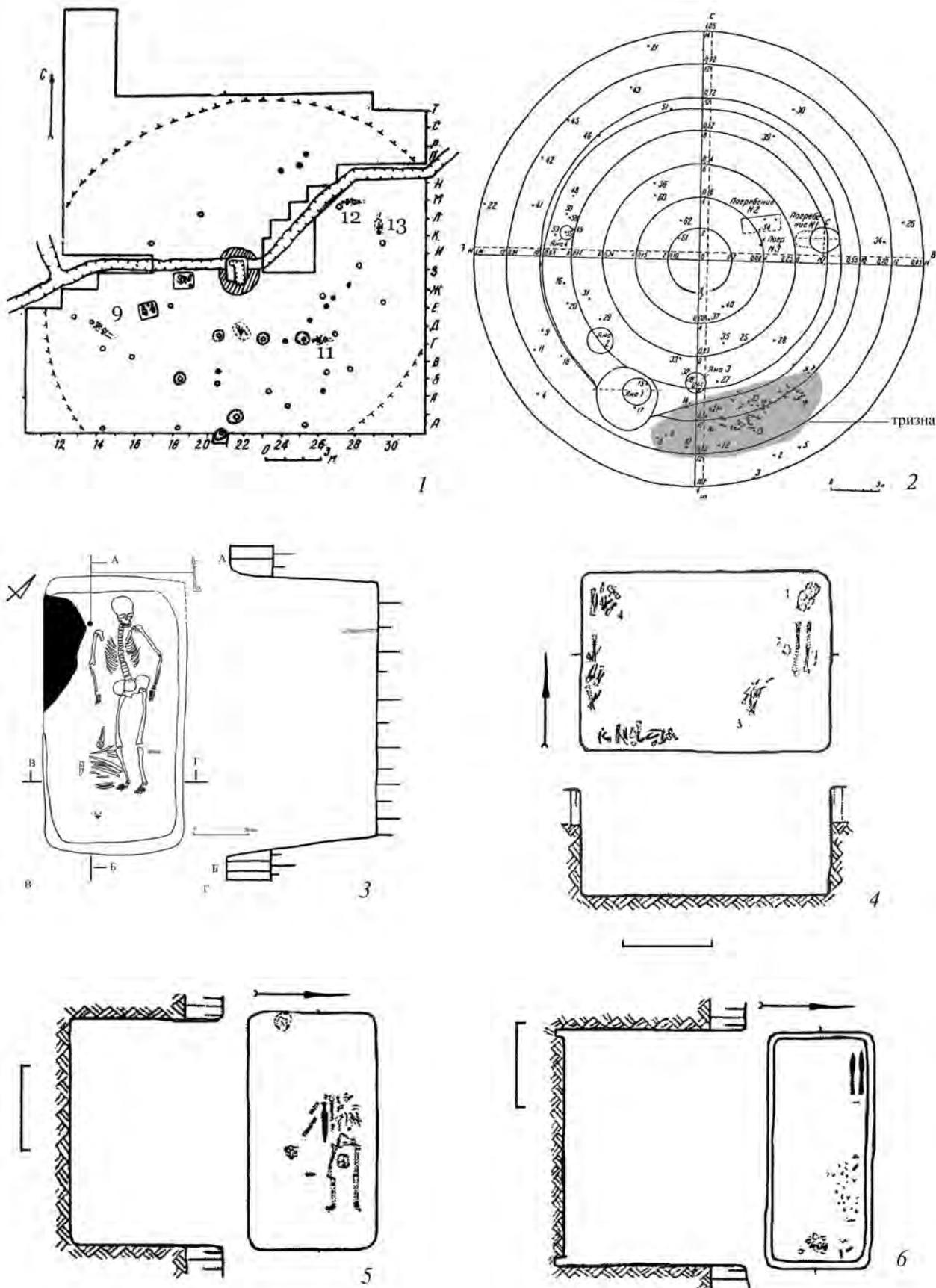

Рис. 2.
 1 – Сухая Гомольша; 2 – Черемушная, курган-зольник № 1; 3 – Гришковка, курган № 26/2; 4 – Песочин, курган № 10; 5 – Песочин, курган № 20; 6 – Песочин, курган № 16 (по: Ю.В. Буйнов и В.К. Михеев, 1988; П.Д. Либеров, 1962; Д.С. Гречко, 2006; Л.И. Бабенко, 2005).

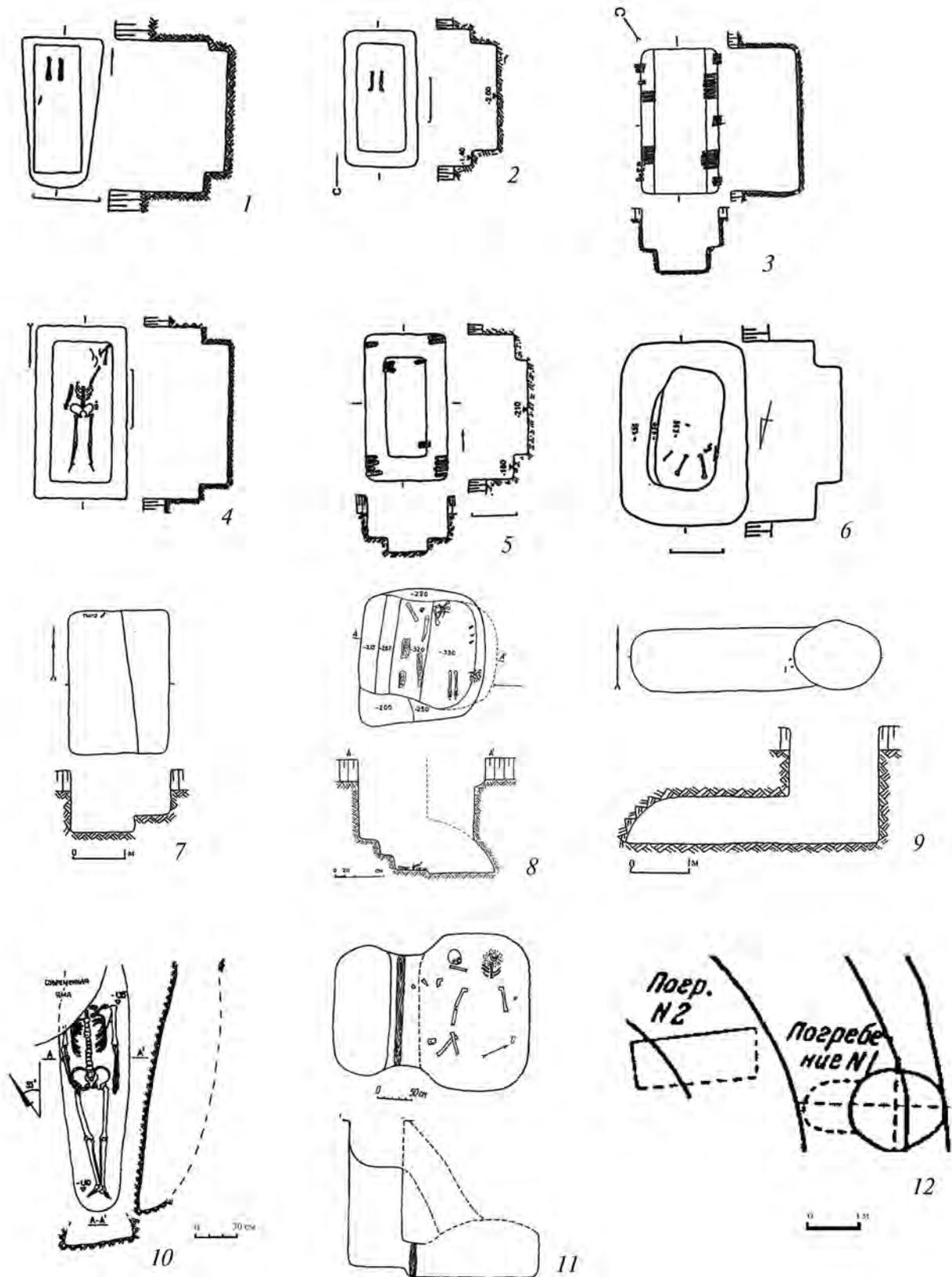

Рис. 3.

1 – Паньковка, курган № 1; 2 – Гиёвка, нижнегийовская группа, курган № 2; 3 – ур. Соломаховка, курган № 18; 4 – Быстрое-2, курган № 1; 5 – Гиёвка, нижнегийовская группа, курган № 1; 6 – Черемушная, курган № 12; 7 – Песочин, курган № 26; 8 – Родной Край; 9 – Песочин, курган № 28; 10 – Коротич; 11 – Новый Мерчик; 12 – Черемушная, курган-зольник № 1 (по: А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов, 2000; Ю.В. Буйнов, 2002; Л.И. Бабенко; В.С. Аксенов и Л.И. Бабенко, 2007; Б.А. Шрамко и Ю.Н. Бойко, 1988; П.Д. Либеров, 1962).

и городища у хут. Городище (*Бандуровский, Буйнов, 2000: приложение 1; Буйнов, 2002: 4-5*). Широкие захоронения раскопаны в могильниках Соломаховка (СЗ-ЮВ – 2 могилы), Верхнегиевская группа (СЗ-ЮВ – 1 могила), Совнаркомовская (СЗ-ЮВ – 1 могила), Санжары (З-В – 1 могила), Черемушная (З-В – 1 могила, СЗ-ЮВ – 1 могила, катакомба – 1). Интересно, что 2 позднескифских захоронения, впущенные в курган-зольник № 1 у с. Черемушная, кроме досыпки, сопровождались и тризной с южной стороны насыпи (многочисленные кости двух лошадей, фрагменты амфор и детали конской узды), которую П.Д. Либеров не отметил (рис. 2, 2; 3, 12) (*Либеров, 1962: 81-82, рис. 22*).

К тому же, в этой группе в 5 могильниках (Соломаховка, Нижнегийовская группа (2 могилы), Быстрое-2, Паньковка, Черемушная) зафиксировано 6 погребений в ямах с заплечиками, которые ориентированы меридионально (рис. 3, 1-6). Данный тип погребальных сооружений находит аналогии в степях Северного Причерноморья (варианты 3-5 первого типа, по В.С. Ольховскому) (*Ольховский, 1991: 21-22*).

Третья группа включает в себя некоторые погребения Песочинского могильника и катакомбу у с. Коротич (рис. 3, 10) (*Бабенко, 2005: 187-188; Аксенов, Бабенко, 2007: 72-74*). Интересующие нас песочинские погребения представлены 3 широко ориентированными грунтовыми ямами, катакомбой и ямой со ступенькой (рис. 2, 4-6; 3, 7, 9). Севернее данной группы погребения степного облика (могилы ориентированы по линии запад-восток) зафиксированы в могильнике у г. Дергачи (*Трефильев, 1908: 102-103*). Вблизи данного некрополя у с. Семеновка случайно найдено навершие погребального кортежа, которое имеет прямые аналогии в степи (*Бабенко, 1998: 25-28*).

Кроме того, широко ориентированные могилы были зафиксированы на северной окраине г. Харьков (рис. 4, 1-2) (*Бородулин, 1978: 301-302*), в могильнике у с. Веселое (рис. 4, 6-7) (*Шрамко, 1992: 112-119*), катакомбы у с. Родной Край (рис. 3, 8) (*Буйнов, 1990: 139-142*), Новый Мерчик (рис. 3, 11) (*Шрамко, Бойко, 1988: 102-103*), курганные группы у Перекопского вала (Покровский

и Настельный) (*Багалея, 1907: 369-378; Данилевич, 1908*).

Таким образом, исследованиям подвергались 27 северскодонецких некрополя, 2 могильника на западной окраине Харьковщины (бассейн Ворсклы), было раскопано 7 одиночных погребений в разных точках региона. К сожалению, следует отметить, что ни один могильник не был раскопан полностью. Результаты многолетних разведок позволяют выделить несколько перспективных некрополей, которые до сих пор не исследовались и могут повлиять на общую картину. Это курганные группы у сел Кантакузовка, Перекоп и Роговка вблизи Перекопского вала, у сел Липковатовка и Манилы, а также значительное число курганов и целых могильников вокруг г. Золочев (рис. 1). Тем не менее, накопившиеся данные позволяют нам подвести некоторые итоги и поставить несколько вопросов.

Следует подчеркнуть, что большинство вышеупомянутых захоронений были ограблены, поэтому количество датирующего материала невелико. В основном это наконечники стрел, которые позволяют относить сооружение курганов к позднескифскому времени. Более узко можно датировать несколько захоронений. К концу V – первой половине IV вв. до н.э. относится Гришковский могильник, курганы № 2 и 3 в 524 микрорайоне Харькова, курганы № 10, 16 Песочинского могильника, катакомба в с. Коротич и разрушенное погребение у Волосской Балаклейки. Курган № 2 у Большой Гомольши и курган № 20 Песочинского некрополя можно датировать серединой – второй половиной IV в. до н.э.

подавляющее большинство широко ориентированных захоронений принадлежало свободным общинникам. Лишь в кургане № 1 группы II у с. Малая Рогозянка (рис. 4, 4) и в кургане № 21 Песочинского могильника находились погребения слуг. В первом случае покойник лежал головой на запад в узкой и мелкой яме, которая была перпендикулярна основному склепу, под общим с ним перекрытием (*Буйнов, 1990: с. 140-141*). В Песочинском кургане № 21 слуга-подросток лежал в ногах основного погребенного (*Бабенко, 2005:*

27). В трех случаях западная ориентировка отмечена в катакомбах (Новый Мерчик, Песочин, Родной Край). Погребения рядовых общинников относятся к модели 2, выделенной Е.П. Бунятян при анализе рядовых скифских захоронений (*Бунятян, 1985: 94-95*). Следует подчеркнуть, что ни одного элитного захоронения среди упомянутых комплексов не было. Аристократические погребения позднескифского времени в регионе производились исключительно в камерных могилах столбовой конструкции с облицовкой деревом стен, которые в значительном количестве присутствуют в Днепро-Донецкой Лесостепи с раннескифского времени. Это позволяет говорить о стабильности этнической составляющей местной верхушки на протяжении скифского времени. В то же время, появление погребений степного облика может быть объяснено только появлением нового населения в регионе. Погребения с широтной ориентировкой среднескифского времени в Левобережной Лесостепи массово зафиксированы лишь в Купьевахском могильнике (*Бойко, Берестнев, 2001: 50*). Прародина мигрантов, судя по количеству широтноориентированных погребений в ямах, возможно, находилась до последней четверти V в. до н.э. в степях Северного Причерноморья (*Ольховский, 1991: 17, табл. 3-4*), в Днепровском лесостепном Правобережье (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989: 40, табл. 7*), на Нижнем Дону (*Коваленко, 2008: 55*). Причиной миграции могло быть появление новой волны кочевого населения в степях юга Восточной Европы (*Виноградов, Марченко, 1991: 149-150*). На это указывает появление в последней трети V в. до н.э. значительного числа аристократических захоронений в катакомбах в степи, чего ранее не фиксировалось (Малая Цымбалка, Гладковщина, курган 2/ 2 у с. Корнеевка, IV и VII Испановы Могилы, Чабанцова Могила, Малый Чертомлык и первый «царский» курган – Солоха).

Процесс массового проникновения нового населения в конце V в. до н.э., хоронившего своих покойников в широтноориентированных ямах, отмечается в лесостепном Побужье, Днепровской Правобережной Лесостепи и Приднепровской

террасовой Лесостепи (*Бессонова, 1994: 11-12, 29; Фиалко, 1994: 21; Скорый, 2003: 84-85*). Проникновение данного населения на Нижний Днестр исследователи напрямую связали с его вытеснением из Северного Причерноморья носителями катакомбного обряда погребения (*Кетрару, Четвертиков, 2005: 188, 192; Синика, 2007: 23-24*).

В VI – первой половине V вв. до н.э. присутствие кочевников в регионе не мешало развиваться поселенческой структуре земледельцев. Вероятно, ситуация принципиально меняется, начиная с конца V в. до н.э. Ярким индикатором массового появления новых кочевников в регионе является резкое сокращение количества поселений и городищ. В северскодонецкой Лесостепи жизнь надежно фиксируется всего на нескольких памятниках. Укрепления в ур. Городище и Коробовы Хутора наиболее активно функционируют в V – IV вв. до н.э., но, судя по планировке и находкам, они, вероятно, использовались местными полукочевниками как зимовники. В позднескифское время возникает ряд городищ-убежищ, которые не имеют культурного слоя (Мохнач, Водяное, Донецкое, Хорошевское, Яковлевское, Чернецкий Яр, Закозаровское (?)). Исследования свидетельствуют о практически полном прекращении использования городищ у с. Полковая Никитовка, Люботинского, Червоносовского и Караванского. Лишь Циркуновское городище, расположенное на северо-восточной окраине группы, активно используется земледельческим населением (*Гречко, 2006а: 148-150*). В этот период прекращают свое функционирование практически все поселения со значительным количеством мощных зольников. К позднескифскому времени происходит некоторое изживание традиции сооружения зольников, которое выразилось не только в уменьшении их размеров, но и, что немало важно, в значительном уменьшении содержания золы в культурном слое (поселение Острроверховка и Проходнянское I) (*Гречко, 2006б: 279*). Данные памятники расположены на северо-восточной окраине группы, что, вероятно, указывает на перемещение основной массы земледельцев от Муравского Шляха в северном направлении.

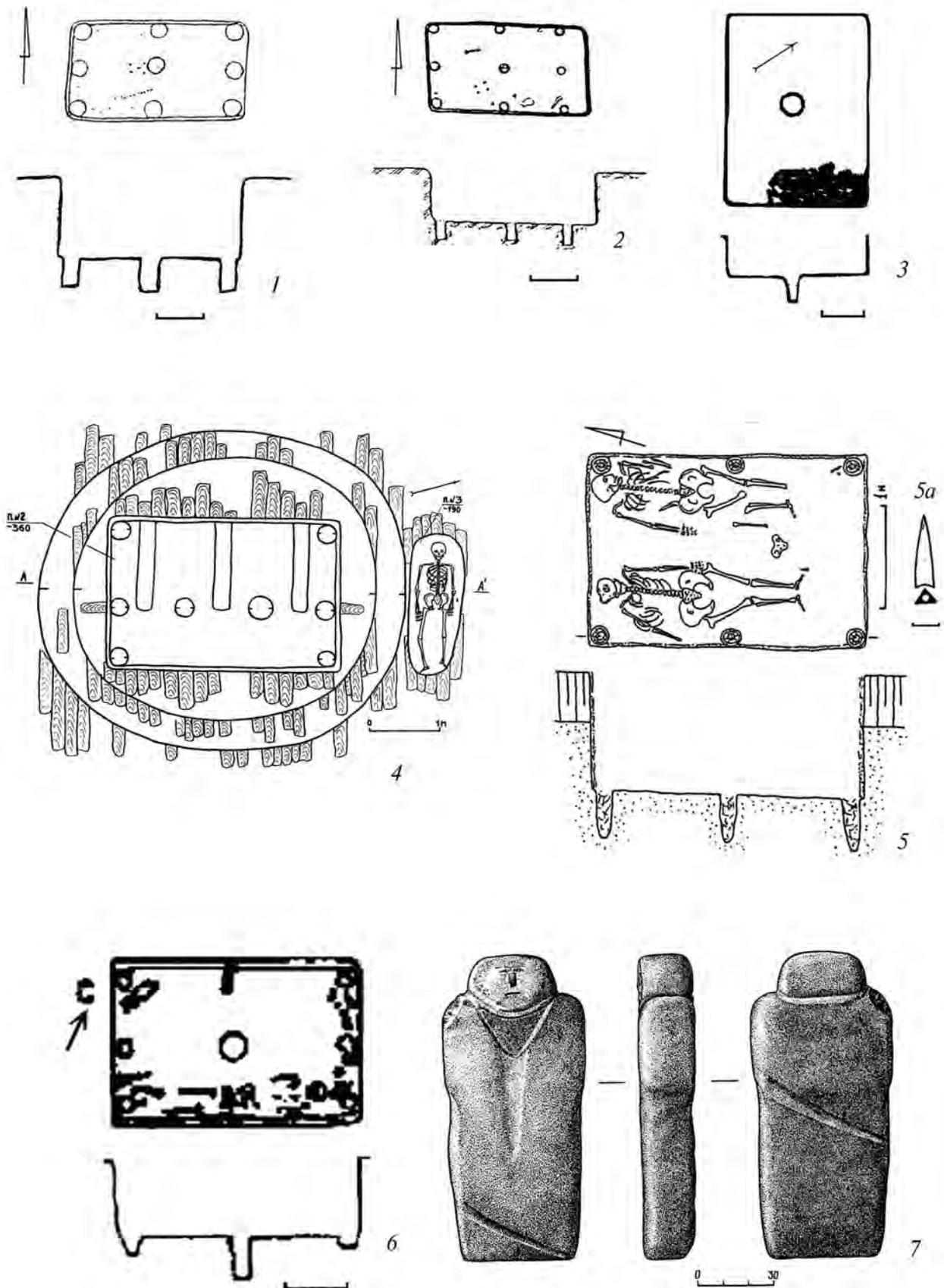

Рис. 4.

1-2 – Харьков, 524 м/р, курган № 2-3; 3 – Веселое, курган № 6; 4 – Малая Рогозянка, группа 2, курган № 1, погребения № 2-3; 5 – Черемушная, курган № 16; 5а – единственная находка в неграбленном парном захоронении; 6-7 – Веселое, курган № 5 (по: В.Г. Бородулин, 1977; Б.А. Шрамко, 1992; А.В. Бандуровский и Ю.В. Буйнов, 2000; Ю.В. Буйнов, 2002; В.С. Ольховский и Г.Л. Евдокимов, 1994).

Практически идентичную картину мы наблюдаем в Днепровском лесостепном Правобережье в конце среднескифского периода: уменьшение количества поселений и городищ и увеличение количества курганных могильников (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 25-26, 41; Скорый, 2003: 62, 83-85*). В данном регионе находят аналогии и широтно ориентированные ямы, катакомбы, наличие нескольких синхронных захоронений под одной насыпью (*Скорый, 2003: 110-120, табл. 4; Петренко, 1961: 63-65, 80-83*).

Существенное увеличение количества населения в позднескифское время происходит во всех регионах Степи и Лесостепи Восточной Европы, кроме Нижнего Дона. Все это может свидетельствовать, скорее, о приходе новой орды кочевников в Северное Причерноморье (*Виноградов, Марченко, 1991: 149-150*), чем о демографическом взрыве в Степи (*Скорый, 2003: 84*). Впрочем, нельзя исключать и совмещения данных факторов. Истребления скифов, которые появились в Лесостепи в раннескифское время, не было, о чем свидетельствует сохранение их погребальных традиций. Наоборот можно говорить о какой-то форме союзнических отношений со степняками для проведения совместных военных акций, контроля над торговыми путями и земледельческим населением. Об участии лесостепных скифов в войнах говорит синхронный рост богатства их верхушки (*Бабенко, 2005: 202*), а также их продвижение на Нижний Днестр из Днепровского лесостепного Правобережья (*Кетрару, Четвертиков, 2005: 186*), вероятно, для участия в военных действиях в Добрудже. Не исключено участие дружин из

Лесостепи для подавления сопротивления Феодосии при Левконе I, поскольку в IV в. до н.э. фиксируется значительное количество боспорских изделий в погребениях знати (*Бандуровский, Буйнов, 2000: 65-68, 93-107*). Возможно, это все свидетельства благодарности Боспора за помощь.

Инкорпорирование северскодонецких дружин в единую этнополитическую структуру со степняками привело к ощущению «южному» влиянию на погребальный обряд и нивелировке различий материальных культур. Косвенно подтверждается мнение исследователей о том, что находки изделий типа старомерчанского кубка и песочинского головного убора за пределами Степи свидетельствуют о попытках (весьма успешных, судя по нашим рассуждениям) скифов консолидировать близкие этнические группы с различными политическими целями (*Алексеев, 1987: 47; Гуляев, 2000: 148-151*).

Таким образом, современная источниковая база позволяет ставить вопрос о вхождении территории северскодонецкой Лесостепи в состав северопричерноморской Скифии, начиная с последней четверти V в. до н.э. При этом лесостепные роды скифов («старых», «скифов первых двух волн», «ранних») сохранили свою власть в регионе. Союзные отношения со степняками, вероятно, строились на взаимовыгодных условиях, хотя нельзя исключать и доминирование Степи, учитывая большую военную мощь и исторические параллели, поскольку все крупные военно-политические объединения кочевников возникали в результате покорения одних групп кочевого населения другими.

Литература

Аксёнов, Бабенко, 2007 – Аксёнов В.С., Бабенко Л.И. Поховання IV ст. до н. е. поблизу смт. Коротич // АДУ 2005-2007. К.-Запоріжжя, 2007.

Алексеев, 1987 – Алексеев А.Ю. Хронография Скифии второй половины IV века до нашей эры // АСГЭ. 1987. Вып. 28.

Бабенко, 1998 – Бабенко Л.И. Скифское бронзовое навершие из собрания Харьковского исторического музея // ВХУ. 1998. Вип. 30.

Бабенко, 2005 – Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.

Багалеи, 1907 – Багалеи Д.И. Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии летом 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. М., 1907. Т. 1.

Бандуровский, Буйнов, 2000 – Бандуровский В.А., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). К., 2000.

- Бессонова, 1994* – Бессонова С.С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. К., 1994.
- Бессонова, 1999* – Бессонова С.С. Український Лісостеп скіфського часу. Історико-географічна ситуація // Археологія. 1999. № 1.
- Бессонова, 2000* – Бессонова С.С. Деякі закономірності розміщення пам'яток скіфського часу в Українському Лівобережному Лісостепу // Археологія. 2000. № 2.
- Бородулин, 1978* – Бородулин В.Г. Исследования Харьковского исторического музея // АО 1977 года. М., 1978.
- Буйнов, 1990* – Буйнов Ю.В. Охранные раскопки курганов скифского периода на Харьковщине // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава, 1990.
- Буйнов, 2002* – Буйнов Ю.В. Отчет о раскопках памятников скифского периода в Валковском районе Харьковской области в 2002 году // НА ІА НАНУ. 2002/ 134.
- Буйнов, Михеев, 1988* – Буйнов Ю.В., Михеев В.К. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // ВХУ. 1988. Вип. 23.
- Бунятян, 1985* – Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. К., 1985.
- Виноградов, Марченко, 1991* – Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации // СА. 1991. № 3.
- Граков, Мелюкова, 1954* – Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // ВССА. М., 1954.
- Гречко, 2006* – Гречко Д.С. Рецензія на кн.: Бабенко Л.И. «Песочинский курганный могильник скифского времени» // Археологія. 2006. № 3.
- Гречко, 2006а* – Гречко Д.С. Исследования памятников скифского времени у сел Протопоповка и Циркуны на Харьковщине // АДУ 2004-2005. К.-Запоріжжя, 2006.
- Гречко, 2006б* – Гречко Д.С. К вопросу о функциональном назначении зольников северскодонецкой группы памятников скифского времени // ВХУ. 2006. Вип. 38.
- Гречко, 2007* – Гречко Д.С. Раскопки курганного могильника скифского времени у с. Гришковка на Харьковщине // АДУ в 2005-2007 гг. К.-Запоріжжя, 2007.
- Гречко, 2008* – Гречко Д.С. Сіверськодонецька група пам'яток Лісостепу Східної Європи скіфської доби. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 2008.
- Гуляев, 2000* – Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М, 2000.
- Данилевич, 1908* – Данилевич В.Е. Раскопки курганов около хутора Покровського, Валковського узда Харьковской губернии летом 1903 г. // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIII археологического съезда. М., 1908. Вып. 2.
- Задников, Шрамко, 2003* – Задников С.А., Шрамко И.Б. Памятники скифского времени в бассейне реки Ольховатка // Проблеми історії та археології України. Харьков, 2003.
- Ильинская, 1968* – Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). К., 1968.
- Кетрару, Четвертиков, 2005* – Кетрару Н.А., Четвертиков И.А. Курганы скифского времени у города Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980-1987 гг.) // Stratum+. 2003-2004. № 3.
- Клименко, 1997* – Клименко В.Ф. Курганные древности Северского Донца. Енакиево, 1997.
- Коваленко, 2008* – Коваленко А.Н. Погребальные комплексы второй половины IV в. до н.э. Елизаветинского могильника // РА. 2008. № 1.
- Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989* – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). К., 1989.
- Либеров, 1962* – Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. 1962. № 113.
- Медведев, 1999* – Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.
- Моруженко, 1989* – Моруженко А.А. Историко-культурная общность племён междуречья Днепра и Дона в скифское время // СА. 1989. № 4.
- Ольховский, 1978* – Ольховский В.С. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4.
- Ольховский, 1991* – Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н. э.). М., 1991.
- Петренко, 1961* – Петренко В.Г. Культура племён Правобережного Среднего Поднепровья в IV - III вв. до н. э. // МИА. 1961. № 96.
- Петренко, 1971* – Петренко В.Г. Задачи и тематика конференции // ПСА. М., 1971.
- Бойко, Берестнев, 2001* – Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII–IV вв. до н.э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.
- Погребова, 1954* – Погребова Н.Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии в конференции ИИМК АН СССР в 1952 году // ВССА. М., 1954.
- Ростовцев, 1918* – Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.

Семенов-Зусер, 1949 – Семенов-Зусер С.А. Археологические раскопки на территории с. Большая Гомольша в 1949 году // НА ІА НАНУ. 1949/ 40 .

Синика, 2007 – Синика В.С. Погребальные комплексы скифской культуры конца VII – начала III вв. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

Скорый, 1987 – Скорый С.А. Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепоного Правобережжя // Археологія. 1987. № 60.

Скорый, 1997 – Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. К., 1997.

Скорый, 1999 – Скорый С.А. Киммерийцы в украинской Лесостепи. К.-Полтава, 1999.

Скорый, 2003 – Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). К., 2003.

Тереножкин, 1971 – Тереножкин А.И. Скифская культура // ПСА. М., 1971.

Трефильев, 1908 – Трефильев Е.П. Археологическая экскурсия в с. Дергачи Харьковского уезда в августе 1903 г. // Труды XIII археологического съезда. М., 1908. Т. 2.

Фиалко, 1994 – Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. К., 1994.

Шрамко, 1953 – Шрамко Б.А. Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1953.

Шрамко, 1983 – Шрамко Б.А. Розкопки курганів раннього залізного віку на Харківщині // Археологія. 1983. № 43.

Шрамко, Бойко, 1988 – Шрамко Б.А., Бойко Ю.Н. Раскопки курганов и майданов в бассейне р. Мерла // ВХУ. 1988. Вип. 22.

Шрамко, 1992 – Шрамко Б.А. Курганы у с. Весёлое в Харьковской области // ВХУ. 1992. Вип. 25.